

Когда телефонный звонок оборвался, он машинально посмотрел на Чжао Миня.

— Чей звонок?

Цзян И отложил бокал с вином. Он выпил лишнего, в голове шумело, и ему безумно хотелось каких-нибудь острых ощущений. Повернув голову, он выдавил из себя небрежную улыбку и произнес по слогам:

— Мой парень.

Раздался сухой щелчок — телефон в руке Чжао Миня выпал на пол. На экране, оставшемся открытым в приложении-переводчике, красовалась фраза: *penser à toi* — что это значит? Тоскую по тебе, скучаю по тебе.

Он редко видел на лице Чжао Миня выражение, близкое к полной утрате самообладания.

— Я скоро создаю семью. — Цзян И снова наполнил бокал, янтарная жидкость затопила кубики льда. Он поднял взгляд и с вызовом посмотрел на Чжао Миня: — Не поздравишь меня?

В голове у Чжао Миня гулко зазвенело, мысли мгновенно испарились.

Парень... Создает семью?

Цзян И сам себе подливал вино, бутылка виски быстро опустела, и веки начали тяжелеть. Он попытался заставить себя подняться, но ноги налились свинцом, и его качнуло.

Чжао Минь в панике бросился поддержать его, но не знал, куда деть руки, и в итоге лишь растерянно обхватил Цзян И за предплечья.

Цзян И изо всех сил оттолкнул его руки. Толчок был слабым, но заставил Чжао Миня оступиться и разжать пальцы:

— Убирайся к черту.

Чжао Минь смотрел на нескрываемое отвращение в его глазах, а его руки так и застыли в воздухе, не находя себе места. Тихим голосом он произнес:

— Я провожу тебя домой и уйду.

Цзян И уперся рукой в барную стойку, изо всех сил удерживая равновесие, и посмотрел на стоявшего перед ним Чжао Миня. Накопившиеся эмоции внезапно нашли выход:

— Чжао Минь, да ты же просто сволочь.

— Держись от меня подальше.

Чжао Минь приглушил голос, медленно присел на корточки, помогая ему подняться, и повторил:

— Я провожу тебя домой и уйду.

Чжао Минь поддерживал его за руку, стараясь через плотную ткань ветровки ни на шаг не переходить границы дозволенного.

Голова Цзян И была тяжелой и затуманенной, словно он заснул на легких, плывущих облаках, а перед глазами против его воли мелькали какие-то обрывки воспоминаний.

Как они впервые шли за руки, и он зацепил своим мизинцем пальцы Чжао Миня, покрытые легкими мозолями; как Чжао Минь перехватил его руку, и его теплое ладонь обхватила его пальцы, а сердце заколотилось как безумное. Первый поцелуй — тогда он снова обвился руками вокруг шеи Чжао Миня, прижался к его губам и тихонько спросил: «Старший, можно тебя поцеловать?» А Чжао Минь прижал его к стене и неуклюжей техникой поцелуя заставил его ноги дрожать от слабости.

Единственный раз, когда Чжао Минь проявил инициативу — это когда предложил расстаться.

Цзян И поднял глаза, застиленные пеленой влаги, и уже не мог толком разглядеть выражение лица Чжао Миня.

— Я пришлю тебе приглашение на свадьбу.

Чжао Минь крепко сжимал руку Цзян И, до смерти боясь не совладать с собой и совершить какую-нибудь глупость. Как сильно он хотел бы, чтобы этой ночью ничего не произошло, чтобы ему не довелось услышать эти слова, сохранив хоть видимость прежнего достоинства.

Цзян И прислонился к автомобильному окну, усевшись как можно дальше от Чжао Миня. Они сидели на заднем сиденье вдвоем, но расстояние между ними казалось непреодолимой стеной. Он погружался в сон.

Пик!

Водитель такси резко нажал на тормоза, и когда Цзян И чуть не врезался в спинку переднего сиденья, чьи-то руки подхватили его.

Его вырвало, и желудочный сок с вином мгновенно забрызгал его ветровку.

— Двести, — бросил водитель такси, даже не поворачивая головы, привычно ко всему этому.

Чжао Минь протянул Цзян И бутылку воды и, подняв глаза, встретился взглядом с покрасневшими глазами Цзян И, в которых бушевала такая жгучая ненависть, словно тот желал, чтобы он сию же секунду испарился у него перед глазами.

Машина выехала на центральный проспект, сквозь стекла пробивался свет уличных фонарей, освещающая бледное лицо Чжао Миня. Он поправил очки, собрался с мыслями и сказал:

— Пей медленнее.

Цзян И внезапно утих и заснул, прислонившись к окну. Чжао Минь салфетками аккуратно вытирал следы рвоты с одежды Цзян И — тот всегда был невероятно чистоплотен и даже духи предпочитал наносить слоями.

Такси остановилось у жилого комплекса, где жил Цзян И.

Уже в спальне Чжао Минь стянул с него ветровку и бережно уложил Цзян И под одеяло.

Цзян И со сна приоткрыл глаза, и его влажный взгляд встретился с глазами Чжао Миня.

Он слабо потянул за пояс ветровки Чжао Миня и, сонный, с заложенным носом, обиженно пробормотал:

— Чжао Минь, ты что, хочешь со мной расстаться?

Цзян И вырвался из пелены туманного сна, ощутив идущее откуда-то извне тепло.

Он резко распахнул глаза: вместо мягкой подушки перед ним был сидевший на краю кровати Чжао Минь.

Спустя пару секунд Цзян И в один миг подскочил, сдернул с кровати одеяло, плотно закутался в него и холодно бросил:

— Какого черта ты делаешь у меня дома?

— Тебя вчера сильно тошнило, — хриплым голосом ответил Чжао Минь.

— Тебе-то какое дело?

Вспомнив вчерашние слова, которыми он пытался удержать Чжао Миня, Цзян И тут же пожалел о содеянном.

Он не хотел выставлять напоказ перед Чжао Минем свое жалкое состояние. Все эти годы он жил именно так: пьянство, рвота, таблетки, восстановление, а затем новый круг. И где тогда был этот человек? Телефон не отвечал, в WeChat глухо — к чему теперь разыгрывать заботу?

Чжао Минь лишился дар речи и лишь молча смотрел на него.

Тон Цзян И оставался ледяным, каждым словом он стремился провести четкую черту между ними:

— По-твоему, уместно здесь находиться?

Губы Чжао Миня шевельнулись, будто он хотел что-то сказать. Сделав шаг к выходу, он остановился в дверях и произнес:

— Больше так не пей. Это опасно.— Разве тебе позволено говорить? — Цзян И усмехнулся.

В тот момент, когда дверь тихо притворилась, Цзян И лишился всяких сил и тяжело уткнулся лицом в мягкую диванную подушку, в которой, казалось, всё ещё таился шлейф лавандового аромата Чжао Миня.

Он вспомнил прошлое: стоило ему хоть немного сорваться и прикрикнуть на него, как Чжао Минь тут же усаживался рядом и принимался чистить для него виноград. А когда все дела были закончены, легонько подталкивал его в плечо и просил не сердиться.

Воспоминания были мучительными, и Цзян И в раздражении дважды ударил подушку кулаком.

Когда дверь спальни отворилась снова, Чжао Минь как раз расставлял на обеденном столе тарелки. Услышав шорох, он явно замер на мгновение, а затем с некоторым трепетом взглянул на него и тихо пояснил:

— Я приготовил завтрак, просто каша еще не доварилась.

Рисовая каша в кастрюле начала тихонько побулькивать, выпуская пузыри.

— Я сейчас же уйду.

Цзян И на мгновение онемел. Темные круги под глазами Чжао Миня еще не сошли — было очевидно, что тот не сомкнул глаз всю ночь. Охрипшим голосом он произнес:

— Если не спешишь, заberi потом документы.

Услышав это, Чжао Минь молча опустил плащ, который держал в руках, и аккуратно повесил его на спинку дивана.

Он нервничает. Цзян И отчетливо это почувствовал.

Цзян И бросил взгляд на обеденный стол: яичница-глазунья, тушеная картофельная соломка, источающая аппетитный аромат белая рисовая каша.

— Бухгалтерия привела в порядок отчетность за восемьдесят девятый год, с некоторыми правами собственности возникли довольно сложные проблемы.

— Сначала поешь, — мягко напомнил Чжао Минь.

Цзян И редко готовил дома. Завтрак с Феликсом обычно сводился к тому, чтобы нарезать хлеба и добавить немного колбасы — им даже не нужно было идти в столовую, они перекусывали прямо у кухонного острова. Его разбаловали, он стал несколько ленив.

Чжао Минь привычно всё устроил: Цзян И не любил густую кашу, яичница должна была быть с жидким желтком, а соевого соуса нельзя класть слишком много.

Цзян И молча пил кашу. Он уже много лет не ел каши, но стоило желудку взбунтоваться, как в памяти всплывал этот простой вкус легкой рисовой похлебки, а когда появлялся аппетит, к ней хотелось добавить немного пикантных маринованных побегов бамбука.

— Каша у тебя неплохо получается, — обронил он.

Феликс не умел варить кашу и уж точно не стал бы вставать на полчаса раньше ради кастрюли с рисом — по его словам, это было пустой тратой времени.

— Если тебе нравится...

Речь Чжао Миня прервал телефонный звонок.

Цзян И взглянул на экран — это был видеовызов от Феликса. Он кивком указал на телефон Чжао Миню и произнес с напускной отстраненностью:

— Бойфренд проверяет, на месте ли я. Будь добр, подыграй.

Чжао Минь нерешительно опустил палочки и застыл на диване.

Цзян И бросил на него косой взгляд: с каких это пор Чжао Минь стал левшой?

Он принял вызов.

Феликс был наполовину французом, наполовину китайцем: от матери-уроженки Цзянань ему достались густые черные кудри, а от отца — высокий нос и необычные зеленые глаза родом из Франции.

Сегодня Феликс говорил не по-французски.

— Малыш, ты проснулся?

— Ем, — Цзян И сделал глоток рисовой каши.

Китайский язык Феликса был не слишком хорош: он часто не мог точно выразить мысль, а иногда даже срывался на английский. Он сказал:

— Ты знаешь, где лежит яйцерезка? Мне нужен один сваренный всмятку пашот к багету.

Цзян И на мгновение задумался:

— Вроде бы в третьем шкафчике на кухне?

— Ага!

Феликс самодовольно направил камеру под углом в сорок пять градусов, демонстрируя свое безукоризненное лицо. Стукнув яйцо, он произнес:

— Крис беременна, она всё еще спрашивает, когда ты вернешься. Фрукты в саду некому собирать.

Цзян И слегка удивился и наказал:

— Передари ей мои поздравления, и не забудь отправить подарок.

— Когда же у нас появится малыш? — капризно протянул Феликс. — Ии, подари мне...

Видя, что разговор Феликса явно сворачивает в постельную плоскость, Цзян И вовсе не испытывал... склонности делиться подобным.

Он мгновенно перешел на французский.

Этот язык лег словно некий барьер, окончательно отрезав Чжао Миня от происходящего.

Он не знал Крис и понятия не имел, какие фрукты растут в ее саду. И тем более не представлял, где в доме Цзян И лежит яйцерезка.

Чжао Минь не мог описать свои чувства — пожалуй, это было онемение. Он с помутненным рассудком принялся собирать пазл с изображением собора Парижской Богоматери. Он больше не вписывался в круг жизни Цзян И.

Раздался сухой щелчок, модель с треском рухнула, и обломки разлетелись по полу.

Цзян И осекся на полуслове.

— У тебя кто-то дома? — пронизательно спросил Феликс.

Цзян И, глядя на покрасневшие уголки глаз Чжао Миня, ответил, не глядя в экран:

— Просто друг.

— Мы же договаривались никого не приводить домой, — Феликс выглядел недовольным.

— Поговорим вечером.

В гостиной воцарилась тишина — лишь собор Парижской Богоматери рассыпался на мелкие кусочки.

Цзян И недовольно бросил:

— Я ведь только закончил оконные рамы.

Чжао Минь, опустив взгляд на осколки, хрипло произвел:

— Я соберу заново.

— С чего бы это у тебя появилось столько свободного времени? — он повернулся, сделал чашку кофе и, увлекая его за собой в кабинет, бросил: — Ты вообще знаешь, сколько прорех в твоей бухгалтерии?

В голове Чжао Миня настойчиво, вновь и вновь, всплывал образ яйцерезки в доме Цзян И.

В тот самый момент, когда Цзян И отвернулся, Чжао Минь внезапно схватил его за руку.

— Ты что творишь?

— Вы съехались? — голос Чжао Миня слегка дрожал.

<http://bllate.org/book/25813/3085172>